

«Сейфуллин окулары – 16: Жаңа формациядағы жастар ғылыми – Қазақстанның болашағы» атты халықаралық ғылыми-теориялық конференциясының материалдары = Материалы Международной научно-теоретической конференции «Сейфуллинские чтения – 16: Молодежная наука новой формации – будущее Казахстана». - 2020. - Т.1, Ч.2 - С.302-308

ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА В ИССЛЕДОВАНИЯХ КАНЫША САТПАЕВА

Габдулина А.Ж.

В 30-40-е годы XX века географические исследования в Казахстане проводились в основном учеными Москвы, Ленинграда, Ташкента и других городов Советского Союза. В 1932 году в Алма-Ате была создана Казахстанская база АН СССР, в 1936 г. она преобразована в Казахский филиал АН СССР. В его структуре в ноябре 1938 года организован Сектор географии. Таким образом, возникла благоприятная основа для проведения географических исследований казахстанскими учеными. Еще более активизировалось и расширилось изучение природы республики в связи с организацией в 1946 году Академии наук.

Первым Президентом Академии наук Казахской ССР стал Каныш Сатпаев - выдающийся ученый в области горнорудной геологии, до этого был председателем Президиума Казахского филиала союзной Академии наук. Его основные труды посвящены исследованиям по горнорудной геологии и разведке месторождений минеральных ресурсов Казахстана. Нельзя переоценить вклад К. И. Сатпаева в определение принципов составления прогнозной карты месторождений полезных ископаемых республики.

Среди его богатейшего научного наследия особое место занимают труды о Жезказганском месторождении медных руд, Сарыаркинской металлогенической зоне и прогнозная карта полезных ископаемых. Сатпаев является создателем научного метода металлогенической формации. Благодаря его исследованиям в 1926-1929 годах, Жезказганское месторождение медных руд, считавшееся промышленно бесперспективным, ныне является одним из крупнейших в мире.

К. И. Сатпаев глубоко изучил такие природно-географические зоны, как Сарыарка, Горный Алтай, богатые минеральными ресурсами. В 1927-1928 годы, проанализировав возможности Жезказгана, Карсакпая, Атбасара, Спасска, Карагандинского каменноугольного бассейна и Каратауского месторождения полиметаллических руд, опубликовал важные научные труды.

В 1929 году на основе исследования Атасуского месторождения железомарганцевых руд К. И. Сатпаев поднял вопрос о развитии в Карагандинской области черной металлургии. В Жезказган-Улытауском регионе ученый открыл месторождения медных и железосодержащих руд (Карсакпай), марганца (Жезды), угля (Байконыр, Киякты), свинца

(Коргасын). К. И. Сатпаев сделал глубоко обоснованное научное заключение о стратиграфической, тектонической, строительной, металлогенической, геохимической и промышленно обоснованной структуре добычи на месторождениях в этом регионе.

Начиная с 50-х годов прошлого века, Академия наук Казахской ССР, в целях комплексного научного исследования природы Казахстана организовала несколько экспедиций. Специалисты сектора географии, институтов ботаники, геологии и других высших учебных заведений, объединив свои силы, начали исследовать природу и природные компоненты Казахстана. Впоследствии продолжились научные поиски путей рационального использования в народном хозяйстве минеральных, сырьевых, гидроэнергетических ресурсов, изучение физико-географических условий горных районов, пустынь и полупустынь, а также всесторонние исследования микроклимата отдельных районов, теплового баланса, водных ресурсов, почвы, растительности и животного мира. Результаты этих исследований легли в основу общегеографических карт Казахстана.

Все эти исторические факты являются общеизвестными, но не все знакомы с К. Сатпаевым – историком.

Почитание своих предков и земляков являлось естественным в роду Сатпаевых. Имантая, отца Каныша, современники ценили как весьма образованного человека и, прежде всего в вопросах исторического прошлого казахов и других народов. Знание основ нескольких азиатских языков, самостоятельное овладение русским позволили ему еще в Омском медресе читать книги по истории культуры Востока и России. Несомненно, на него повлияло общение в молодые годы с Шоканом Валихановым. В пору зрелости он прекрасно разбирался в истории казахов и других восточных народов, занимался собиранием памятников устного творчества, щедро делился собранным материалом с Г. Потаниным, Н. Березиным, В. Белослюдовым и другими ориенталистами, и краеведами.

В детстве Каныш слушал рассказы отца и почтенных гостей о народных батырах, героических и трагических событиях в судьбе казахов, об их борьбе против джунгар, о Шокане и Григории Потанине, об Абае и Ибрае. Каныш с детства как и его отец увлекался восточной литературой, из которой черпал знания по истории народов Востока. Здесь ему пригодилось неплохое знание шагатайского, персидского, арабского языков, которые он изучал в Аккелинской волостной школе. «Каныш по-восточному больше нигде не учился, - писал академик А.Маргулан. - Основы для вполне приличного овладения им арабской, персидской и шагатайской литературой дала ему только эта школа по арабскому и персидскому языкам, явно было видно даже много позже...».

Систематические знания по истории и этнографии дала ему учеба в Павлодарском русско-киргизском училище и Семипалатинской учительской семинарии. Известно, что историю сначала в одном, а затем в другом учебном заведении в годы его учебы преподавал блистательно образованный человек, о котором Каныш Имантаевич спустя годы напишет: «За

полученное образование считаю обязанным на всю жизнь двоюродному брату, старому интеллигенту Абикею Зеиновичу Сатпаеву».

Семинарию Каныш Сатпаев оканчивает не только с солидными знаниями в области мировой истории и исторического прошлого своего народа, но и имея устойчивый интерес к их самостоятельному пополнению, в том числе и путем включения в поисковую работу.

В начале 20-х молодой аульный учитель, а затем участковый судья увлекается исследованием фольклорного наследия казахов. Страсть сохранилась и в период учебы в Томском технологическом. Особенно для этого было использовано пребывание в родных краях на практике в составе геологоразведочной партии. «Бывая часто и подолгу в степи..., я в те годы со значительным интересом собирал и записывал образцы устного народного творчества казахов», - напишет он через много лет.

Любознательный студент подолгу засиживался в библиотеках института и университета, изучая литературу по истории, этнографии и фольклору казахов, народов Сибири и Востока. Интересовался он и материалами музея древних культур при университете. Как активист межвузовского студенческого общества краеведов Каныш участвовал в организации историко-этнографических вечеров, сборы от которых шли на нужды музея и общества. Одному из вечеров он посвятил статью в газете «Қазақ тілі».

К студенческим годам относятся первые попытки письменно осмыслить собранный материал. В 1923 году в газете «Қазақ тілі» увидела свет статья Сатпаева «Обаган», повествовавшая об истории рождения когда-то популярной, но затем забытой песни. В 1924 году в издавшемся в Ташкенте альманахе «Сауле» были опубликованы статьи «Казахские загадки и скороговорки» и «Старинные казахские игры».

У Каныша набирался солидный материал и о казахских батырах. Сведения о Кенесары Касымове он и по просьбе Мухтара Ауэзова, работавшего над драмой «Хан Кене», обобщает в письме к нему, датированном 5 марта 1925 года. Здесь обнаруживается глубокое знание им не только легенд и сказаний о народном батыре, но и документальных материалов о восстании под его руководством. При этом, по мнению Ш.К.Сатпаевой - дочери академика, даже в неполном тексте автографа содержалось «немало точных сведений» о ряде невыясненных к тому времени сторон движения Кенесары.

Интерес к устному творчеству продолжал владеть Канышем и в начальный период геологической деятельности. Он с готовностью откликнулся на просьбу А.В. Затаевича помочь в записи старинных казахских мелодий в 1926-1927 годах напел для него под собственный аккомпанемент на домбре 25 уникальных песен и передал ценные сведения об истории рождения и лучших исполнителях этих шедевров, чем очень помог тому в издании «500 казахских песен и кюев». Известный музыковед и этнограф высоко оценил помощь молодого геолога по собиранию образцов музыкального фольклора и исторических сведений о них.

Верный себе, Сатпаев в статье «О казахском национальном театре» (1927 г.), одобрительно отозвавшись о наличии в репертуаре концертной труппы казахского театра целой серии замечательных творений народного песенного искусства, не забыл обратить внимание на их «возраст», указав, что созданы они «в эпоху, когда народ дышал опьяняюще чистым и вольным воздухом бескрайних степей», и «поэтому в их огранке передана сила чувств достоинства, озорства, дерзновенности». В качестве исторической справки к песне, исполненной Амре Кашаубаевым («Канапия»), Сатпаев приводит подлинные сведения об обстоятельствах последнего подвига героя освободительной борьбы 60-х годов минувшего века батыра Канапии.

В том же 1927 году К.Сатпаев вновь обращается к теме народных батыров и издает в Москве записанный и исправленный с помощью авторитетного сказителя Копабая из Баян-Аульского района вариант героического эпоса «Ер-Ердиге», который, по его мнению, от ранее опубликованных отличался большей полнотой, меньшей искаженностью на манер арабских сказок и перегруза татарскими словами и оборотами речи. В предисловии к изданию Сатпаев осветил историю изучения предшественниками эпического сказания о реальной исторической личности, дал многочисленные пояснения к публикуемому тексту, указал на выявленные в нем путем сопоставления с другими типами источников неточности.

Упомянутое предисловие интересно и тем, что в нем четко обозначены мотивы обращения К.Сатпаевым и в 20-е годы к устному народному творчеству с позиций его интереса к познанию исторического прошлого народа. Они не только в свойственных юношеству лиризму и романтизму и не только в следовании алашской традиции народного просветительства.

Молодой казахский интеллигент в условиях начавшегося крушения кочевого аула, а вместе с ним тысячелетней устной традиции, поспешного перехода к культуре письменной, узрел в происходящем «некоторые элементы пренебрежения к произведениям устного творчества», которые вследствие этого «начинают постепенно забываться». Между тем, по убеждению Сатпаева, в них «отображаются быт, сознание и обычаи прошлых периодов, что ценно для истории», они применительно к эпохе доминирования устной традиции служат «фиксатором общественного мнения и своеобразной жизни... народа». Каныш Имантаевич был встревожен, как бы из истории духовной жизни казахов не выпал целый мощный ее пласт. «Иначе не исключена возможность того, - предупреждал он, - что казахи будут вынуждены в будущем искать «истоки» своей литературы только в «орхонских надписях».

Озабочен К.И.Сатпаев был и проблемой формирования изначально научной методологии исследования памятников устного народного творчества. К таким типам источников и особенно к эпическим сказаниям, с его точки зрения, следует подходить крайне осторожно, поскольку в них «исторические личности обычно до неузнаваемости метаморфизируются, а

положительные герои «всегда бывают возвышенными, притом до гипертрофических размеров».

Так еще в 20-ые годы Каныш Имантаевич делал все возможное для сохранения путем собирания и издания, а также включения в научный оборот произведений устного народного творчества как важных источников по исследованию истории казахского народа.

В 30-е годы К.Сатпаев, наряду со своей основной геолого-поисковой работой, продолжал живо интересоваться историей края, собирал и накапливал ценные сведения об опыте металлургии в древности, изучал местную топонимику, каменные изваяния, наскальные рисунки и надписи, древние и средневековые захоронения.

Впоследствии об этой деятельности Сатпаева крупные историки и археологи А.Маргулан, К.Акишев, М.Кадырбаев и А.Оразбаев в совместно подготовленной книге скажут так: «В археологическом изучении Центрального Казахстана принимал большое участие академик К.И. Сатпаев, тогда главный геолог треста «Атбасарцветмет». Занимаясь в основном геологоразведочными работами, К.Сатпаев интересовался вопросами археологии и древней металлургии Улутауского, Джекказганского и Амангельдинского районов, открыл много памятников в окрестностях гор Улутау, в горах Арганаты и в верховьях Тургая, исследовал каменные изваяния на р.Джетыкыз, архитектурные памятники на р. Джиланчик (Сырлы-Там), наскальные рисунки на правом берегу р.Буланты».

Увлечения геолога познанием прошлого уже тогда стали приносить пользу исторической науке. Так, найденная им в 1936 году на склоне горы Алтын-Шоки плита с любопытными надписями вызвала сенсацию в востоковедческой науке. После сообщения К.Сатпаева плита по просьбе директора ленинградского Эрмитажа академика И.Орбели была срочно перевезена к берегам Невы, а затем выставлена в руководимом им музейном учреждении. Не без труда, но очень скоро специалисты смогли разгадать тайну надписей. Как выяснилось, они были высечены по повелению Тимура во время похода 1391 года в Дешты-Кыпчак и гласили: «В год овцы 793 Тимур прибыл в страну Токмак, в поход на Тохтамышхана. В этом месте воздвиг оба. Да помнят все люди обо мне с молитвой»[4].

Первый опыт обобщения самим К.Сатпаевым собственных археологических и архивных находок по центрально казахстанскому региону связан с публикацией им в «Казахстанской правде» 6 ноября 1940 года очерка «Преображенный край», в котором материалам о развитии производительных сил за последние десятилетия предпослан исторический обзор с упоминанием сведений о крае в далекие времена: о древней металлургии, о воздвигнутых Тимуром пирамидах (оба) и сооруженной по его приказу плите, об экспедиции капитана Н.Рычкова, о царских колонизаторах и «иностранных хищниках».

Не ограничившись этим сугубо обзорным описанием своих исторических изысканий и находок, К.Сатпаев в 1940 году по материалам, связанным с обнаружением в аркинских степях плиты и пирамид,

воздвигнутых по приказу грозного центральноазиатского властителя, подготовил статью «Карсакпайская надпись Тимура» и опубликовал ее в «Трудах отдела Востока Эрмитажа».

Обобщающий итог многолетнему изучению материальных свидетельств прошлого в местах своей геологической деятельности Каныш Имантаевич подвел в статье «Доисторические памятники в Джезказганском районе», увидевшей свет в 1941 году в журнале «Народное хозяйство Казахстана». Текст представляет собой своеобразный каталог всех обнаруженных им памятников древней и средневековой материальной культуры с точной привязкой к местности, сопровождаемый емкими комментариями и выводами, полученными часто через сравнение с данными других типов источников - народных преданий, описаний историографа при дворе основателя династии тимуридов Шарафуддина Ядзи, материалов экспедиции Н.Рычкова и др.

Статья показывает, что внимание автора особенно привлекли следы древней металлургии. Несмотря на ограниченность инструментария, он достаточно точно определил возраст находок, описал орудия и технологию добычи, обогащения и плавки руды ранними металлургами. Открыв свидетельства пребывания древних рудокопов в большинстве известных науке медных месторождений, Сатпаев доказал, что «эта древняя культура имела прекрасную разведочную службу». «Все эти факты,-заключает исследователь «металлургический» раздел статьи, - свидетельствуют о том, что Джезказганский район в доисторическом прошлом пережил период своеобразной индустриальной культуры, когда технология добычи и переработки окисленных медных руд была на высоком уровне, включая даже способы из обогащения».

Соединив выявленные в ходе поиска факты изображения на утесе в низовьях реки Сарысу родовых знаков тамги («почти всех родов и племен, входящих в состав казахского народа», а также места расположения неподалеку на реке Кенгир, захоронений трех известных деятелей средневековья и упоминания в свидетельствах Н.Рычкова обстоятельств его пребывания близ Улутауских гор в ставке хана Нуралы в 1771 году»), Сатпаев выдвигает версию о нахождении здесь в те далекие времена политического центра казахов и их непосредственных предшественников.

Реконструируя по рассказам местного старожила облик могильников Сырлытам и Жагалбайлытым применительно к периоду, когда они еще не были столь основательно разрушены, Каныш Имантаевич особо реагирует на упоминание рисунков с изображением людей, животных, рыб и даже эмблемы христианства. На основании этих свидетельств он высказывает в статье предположение о принадлежности памятников к домусульманской эпохе, а именно к IX веку, когда в этой местности имело кратковременное распространение христианство несторианского толка.

Статья поражает вполне профессиональным подходом геолога к исследованиям сугубо исторических проблем. При этом автор скромно в оценке своей работы. Цель публикации, говорится в заключение статьи, не в

том, чтобы «дать полное и систематическое описание всех имеющихся в Джезказганском районе многочисленных доисторических памятников», а «чтобы показать археологам и краеведам, какой разнообразный материал ожидает исследователей в этом районе...».

Как ни странно, увлечения исследованием исторического прошлого не только не мешали, но и существенно помогли инженеру-геологу в его разноотраслевой деятельности. Так, в письме в «Известия» с опровержением опубликованной в ней статьи о бесперспективности Джезказганского рудного месторождения К.И.Сатпаев изучив недюжинные знания трудов Геродота, арабских и персидских источников XII-XIII веков использует в качестве дополнительного аргумента в пользу полученных «геологическими» методами выводов о древности индустриальной культуры Центрального Казахстана и богатстве его недр запасами медной руды.

Широко известно, что в организации разведки рудных месторождений в эти годы Каныш Имантаевич удачно использовал собственные догадки, навеянные блестящим знанием местной топонимики.

Не остались неиспользованными инженером-геологом и почерпнутые из архивов и рассказов очевидцев многочисленные сведения о металлургической деятельности англичан в регионе до революции.

В конечном итоге эти факторы позитивно сказались на результатах проводившейся в 30-х годах под его руководством геолого-поисковой работы. В Центральном Казахстане уже в 1940 году выявленные запасы меди составили почти треть всех разведанных в Советском союзе. За большие заслуги по раскрытию богатств недр Джезказган-Улутауского района и в связи с 20-летием республики К.Сатпаев в ноябре того же года был удостоен высшей награды – ордена Ленина.

Приход К.Сатпаева руководителем Казфилиала Академии наук СССР и первые шаги на новом поприще совпали с началом Великой Отечественной войны. Сложность его работы как руководителя многократно возрастает. Сатпаев главным образом занимается организацией научных работ, имеющих оборонное значение. Однако он не только не перестает лично интересоваться проблемами отечественной истории, но его усилия в этой сфере даже значительно увеличиваются.

Руководитель Казфилиала Академии наук СССР заботится об эвакуированных ученых-историках. Плотнее занимается он и организацией, начатой с его участием еще в предвоенные годы, подготовки к изданию «Истории Казахской ССР» совместными усилиями московских и казахстанских исследователей. Несмотря на трудности военного времени, он ходатайствует перед высокими инстанциями о стенографической записи исторических песен о сорока батырах в исполнении известного сказителя Муруна Сенгирбаева, которому было тогда уже за 80. Старец за государственный счет был вызван в Алматы на длительное время, и запланированная работа была доведена до конца.

Уже в ходе Великой Отечественной войны К.Сатпаев проявляет заботу о сборе материалов об участии казахстанцев в боевых действиях на фронтах.

Он становится инициатором и организатором чтения Б. Момышулы в Казфилиале АН СССР цикла лекций о героическом пути панфиловской дивизии.

После завершения войны по его указанию библиотекой АН КазССР были приобретены архивы многих деятелей искусства и культуры.

Главным же в эти годы он считал заботу о подготовке научных кадров историков и открытии специального научно-исторического подразделения в структуре Академии, что уже вскоре им было реализовано.

Благодаря многим деяниям по развитию отечественной историографии, в которых официальные органы усмотрели «идеализацию патриархально-родовых отношений», «попустительство агентам буржуазной идеологии» и многое другое, К.Сатпаев также подвергся критике и наказанию. Он был освобожден от должности президента АН Казахской ССР и получил строгий выговор занесением в учетную партийную карточку. Но когда ситуация изменилась, состоялось возвращение на прежнюю должность.

С конца 40-х годов и до последних дней своей жизни академик К.Сатпаев в своих многочисленных статьях выступал как историк-биограф и большой популяризатор целого ряда исторических фигур, крупных деятелей науки, литературы и искусства. В его трудах звучали имена Ч.Валиханова, И.Алтынсарина, А.Кунанбаева. Основываясь на большом историко-фактическом материале личных впечатлениях, Каныш Имантаевич создал интересные очерки о выдающихся деятелях науки и техники, со многими из которых он имел возможность трудиться рядом на общей ниве. Он руководил работой комиссии по подготовке двухтомной «Истории Казахской ССР», вышедшей в свет в 1957-1959 годах и получившей хорошие отзывы среди общественности республики.

В 60-х годах академическими учеными-историками под воздействием К.Сатпаева была начата разработка целого ряда сложных и актуальных проблем в области истории, археологии и этнографии. Но всех результатов увидеть ему не довелось: многие крупные научные труды появились на книжных полках, к сожалению, после кончины академика. Но благотворное влияние его на развитие исторической науки в республике заметно ощущалось еще долгое время.

Список литературы

1 Рычков П.И. Топография Оренбургская, обстоятельное описание Оренбургской губернии. - Ч. 1 и 2, СПб., 1762.

2. Аманбаев А., Батырбеков Г.К.Сатпаев как историк. – Алматы, 2012.

3 Muratovna, V.A.,Serikbayevna S.S. Legal culture of soviet kazakhstan Journal of Environmental Treatment Techniques.-Volume 8, Issue 1.- 2020.- Pages 319-322